

Виктор Пелевин

Зенитные кодексы
Аль-Эфесби
(из сборника «Ананасная вода
для прекрасной дамы»)

ФТМ

Виктор Пелевин

ЗЕНИТНЫЕ КОДЕКСЫ АЛЬ-ЭФЕСБИ

«ФТМ»

2010

Пелевин В. О.

Зенитные кодексы Аль-Эфесби / В. О. Пелевин — «ФТМ», 2010

ISBN 978-5-4467-0295-4

«Никто не знает, где могила Савелия Скотенкова. На его малой родине, в деревеньке Улемы (бывш. Уломы), что верстах в трех от Орла, стоит среди кустов сирени устроенный на деньги зажиточного чеченца-односельчанина памятник – небольшой и по-деревенски скромный. Его сработал местный самородок Леха – а изображает он фигурку человека, грозящего кулаком пикирующему на него самолету...»

ISBN 978-5-4467-0295-4

© Пелевин В. О., 2010

© ФТМ, 2010

Содержание

I. Freedom Liberator	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Виктор Пелевин

Зенитные кодексы Аль-Эфесби

I. Freedom Liberator

Никто не знает, где могила Савелия Скотенкова.

На его малой родине, в деревеньке Улемы (бывш. Уломы), что верстах в трех от Орла, стоит среди кустов сирени устроенный на деньги зажиточного чеченца-односельчанина памятник – небольшой и по-деревенски скромный. Его сработал местный самородок Леха – а изображает он фигурку человека, грозящего кулаком пикирующему на него самолету.

Самолет и фигурка составляют одно целое – они вырезаны из листа толстой оцинкованной жести, приклепанного к железной раме от тракторного прицепа (памятник собран из подручных материалов, и это делает его особенно трогательным). Человек выглядит беззащитным перед огромным летающим зверем, и нет сомнений, что в схватке он обречен.

Но, если приглядеться, видно – самолет уже слишком низко нырнул в пике, чтобы успеть из него выйти. И тогда становится понятна метафора художника: стоящий на земле может силой духа победить грозного небесного врага, даже если ценой за это окажется жизнь...

Когда поднимается ветер, жестяной лист начинает вибрировать и гудеть, словно включились двигатели воздушной машины. В такую минуту мнится, что из прошлого века долетает грозное эхо войны – совсем ведь рядом Курская дуга. Но гул затихает, и мы вспоминаем, что над головой у нас мирное небо. Надолго ли?

Один раз памятник показали по телевизору – детвора окучивала сирень и запускала в воздух радиоуправляемые модели самолетов. Веселые лица, звонкая песня моторов... Вот только не сказал красноречивый корреспондент, что деток для телевизионного шоу две недели собирали по всей округе. Привыкла за века наша власть широко черпать русский народ, да плескаться им горстями – а вот будет ли завтра, откуда зачерпнуть?

1

О гражданской жизни Савелия Скотенкова осталось мало сведений, и, возможно, правы те, кто считает, что информацию подчистили из каких-то государственных соображений. Даже фотографий почти нет – в хорошем качестве дошли до нас лишь несколько.

На одной Скотенков, в скудном черном пальтишке и серой кепке с ушами, стоит, зябко улыбаясь, на зимней улице у витрины магазина (знатоки Москвы уверяют, что за спиной у него Елисейевский до реконструкции). В нем есть нечто неуловимо провинциальное, но и европейское... Сложно объяснить это чувство. Словно провинция, из которой он приехал – какая-то параллельная Россия, счастливая, зажиточная и с иной историей. Снимок сделан в середине нулевых и отчего-то вызывает симпатию к запечатленному на нем пареньку.

Другую фотографию, сделанную летом в сквере у Большого Театра, можно датировать по трехэтажному золотому унитазу в бархатной полумаске, который достраивают на заднем плане усатые турки – его установили для раскрутки романа одного из прозаиков рублево-успенского направления, но из-за известных событий простоял он только два дня. На этом снимке Савелий выглядит много старше и умудренней, а его борода крашена хной. Возможно, что фотография сделана во время короткого отпуска.

За целую эпоху, прошедшую между двумя этими снимками, он сменил много видов деятельности: писал лирические стихи и критические статьи, занимался искусствоведением, поли-

тологическим консалтингом, революционной работой и маркетингом (талантливые русские мальчики нового века традиционно проходят все эти поприща по очереди).

Одно время он даже читал в Дипломатической Академии при МИДе короткий курс под названием «Основы криптодискурса», провисевший в сетке факультативных дисциплин целых два года. Этот курс пользовался популярностью у слушателей, но вызывал неприязненное отношение других преподавателей и был в конце концов упразднен.

2

Коротко, насколько позволяют рамки нашего очерка, коснемся раннего, полного искрометной эклектики периода в жизни Скотенкова (рассуждать о «наследии» применительно к нему как-то не поворачивается язык, ибо все, о чем мы сейчас говорим, было лишь разбегом перед его подлинным взлетом).

Созданное им в эти годы интересно прежде всего как индикатор его внутреннего роста, который был противоречивым и непростым.

Неверно изображать Скотенкова простым как гвоздь ура-патриотом или «охранителем», тем более «националистом», каковым он совершенно точно не был. Он знал периоды сомнений, мало того, ему знакомы были даже минуты остро-критического неприятия своего Отечества, почти ненависти. Но все же он всегда выходил из этих темных тупиков к свету.

Содержание его искусствоведческих статей чаще всего ясно из их названий.

Например, «„Четыре Синих Квадрата“ как вершина русского супрематизма». Речь идет о картине тогдашнего премьер-министра, известной до ребрендинга как «Узор», но статья вовсе не ерническая, а совсем напротив – она написана совместно с небезызвестным Макаром Гетманом для голландского каталога. Считается, что именно Гетман впоследствии завербовал Скотенкова в ФСБ.

Скотенков обнаруживает тягу к грубоватой внятности суждений, порой даже упрощенчеству. Например, анализируя фреску «Хазары выдают арлекинов атаману Путину» (фрагмент первой виртуальной росписи плафона Общественной Палаты), он пользуется формой искусствоведческой статьи для того, чтобы делать острые и не всегда адекватные политические выпады. Статью убрали из открытого доступа, но цитаты из нее то и дело всплывают в общественной полемике – желающие легко обнаружат ее фрагменты через Google при поиске по параметрам «общественная палата» (гниды ОР стукачи).

В периоды мизантропического отношения к действительности Скотенков изобрел несколько мемов, например «гой прайд» (так он окрестил ежегодный «Русский марш») и «православная экономика» (имеется в виду хозяйственная модель, общая для Греции, России и Украины). Это он придумал выражение «Мардан-палас духа» (как блоггеры еще долго называли всякое дорогостоящее начинание властей в области культуры) и сформулировал эмпирическое «правило Буравчика», по которому любая либеральная экономическая реформа в России имеет своим предельным конечным результатом появление нового сверхбогатого еврея в Лондоне (статья «Почему китайский путь не для нас»).

Ему же принадлежит формулировка основного международного противоречия XXI века: «между углеводородными деспотиями и трубопроводными демократиями» (в статье «Борис Грызлов и русское самоедство»). Некоторые западные обозреватели приняли эту концепцию очень серьезно и подняли ее на штыки в русофобских целях. Однако никто из них не заметил, что Россия сама диалектически является трубопроводной демократией – во всяком случае, по отношению к своим южным соседям.

Впрочем, когда у Скотенкова появлялся шанс поработать на Кремль, он его не упускал: в одной из статей для «maluyta.org» он излагает проект «второй ноги» власти. Ему виделось подобие Республиканской партии, куда могла бы перейти наиболее богатая часть «Единой Рос-

сии» – по аналогии с американской «Grand Old Party» он назвал эту структуру «GOP Россия». Но даже здесь он ухитряется цапнуть кормящую его руку: «Понятно, что такое „сенатор“ в императорском Риме. Но что это такое в нашей стране? И что надо сделать, чтобы им стать? Заржать жеребцом у Путина в бане?»

Наиболее полно его талант раскрывался в тех случаях, когда надо было что-то громить и развенчивать. Вот, к примеру, что он писал про русскую бюрократию в статье «Блохосфера и революция» – просим извинения за длинную цитату, но она расскажет о молодом Скотенкове больше, чем пятьдесят страниц биографических сведений. Особенно интересно место, где Скотенков упоминает про радикальный ислам.

«С подачи древних советских юмористов (а именно такие невзрачные влияния и создают самые долгоживущие стереотипы) принято думать, будто бюрократия – это что-то замшелое, перхотливо-непричесанное, уродливое и неуклюжее. Ничего не может быть дальше от истины.

Русская бюрократия сегодня – это ослепительная улыбка, тонкие духи, легкие спортивные тела, интеллектуальные чтения, радикальное искусство, теннис и поло, „бугатти“ и „бомбардье“. И если это счастливое, омытое экологически чистой волной пространство и обращено к обывателю казенной гербовой доской, то ее следует воспринимать лишь как самую несовершенную в эстетическом отношении часть, своего рода обнаженный засасывающий анус.

Принято считать, что власть опирается на штыки. Но опорой российской бюрократии сегодня является не столько спецназ, сколько политический постмодерн. Что это такое и чем он отличается от постмодерна в искусстве?

Представьте, что вы затюканный и измученный российский обыватель. Вы задаетесь вопросом, кто приводит в движение зубчатые колеса, на которые день за днем наматываются ваши кишки, и начинаете искать правду – до самого верха, до кабинета, где сидит самый главный кровосос. И вот вы входите в этот кабинет, но вместо кровососа видите нереально четкого пацана, который берет гитару и поет вам песню про „прогнило и остоебло“ – такую, что у вас захватывает дыхание: сами вы даже сформулировать подобным образом не можете. А он поет вам еще одну, до того смелую, что вам становится страшно оставаться с ним в одной комнате.

И когда вы выходите из кабинета, идти вам ну совершенно некуда – и, главное, незачем. Ведь не будете же вы бить дубиной народного гнева по этой умной братской голове, которая в сто раз лучше вас знает, насколько все прогнило и остоебло. Да и горечь в этом сердце куда острее вашей.

Как мы к этому пришли? А постепенно.

Ближе к середине двадцатого века внешний образ еще более-менее идентифицировал человека. Длинный хайр, джинса – значит, ты дитя цветов, и хочешь делать любовь, а не войну... Но в конце двадцатого века доткомовская буржуазия (а потом и просто биржевая сволочь) украла эстетику проловского бунта, и униформа борца с истеблишментом стала появляться на рекламных полосах нью-йоркских журналов под девизом „That's how Money looks now“¹. Следующий шаг – это конфискация не только униформы, а словаря, идеологии и самой энергетики протеста, потому

¹ Вот как Деньги выглядят сейчас.

что все, поддающееся описанию и имитации, тоже относится к категории „форма“, а любую форму можно украсть и использовать.

И теперь возжи бюрократии излучают дух свободы и энергетику протеста в сто раз качественней, чем это сделает любой из нас и все мы вместе. Корень подмены сегодня находится так глубоко, что некоторые даже готовы принять радикальный ислам – в надежде, что уж туда-то переодетая бюрократия не приползет воровать и гадить.

Наивные люди. Бюрократ освоил „коммунизм“, освоил „свободу“, он не только „ислам“ освоит, но и любой древнемарсианский культ – потому что узурпировать власть с целью воровства можно в любой одежде и под любую песню.

Но, скажут мне на это, ведь существует и подлинный революционный процесс? В том-то и ужас, что да.

История учит: как ни мерзка предреволюционная российская бюрократия, гораздо омерзительнее бюрократия послереволюционная. Просто до поры она скрыта за артистичным авангардом революции, в которую с удовольствием играем мы все. Потом, когда перформансы и массовку сольют вместе с лужами крови, все станет ясно – но будет уже поздно».

Не брезговал Скотенков и аутсорсингом по-афророссиянски – ходили слухи, что он был одним из теневого авторов многостраничной преамбулы к военной доктрине Грузии, по которой эта страна должна быть способна одновременно вести две больших пиар-войны на двух независимых информационных фронтах. Но деньги за эту работу так и не были выплачены.

Как маркетолог, он участвовал в брендинге нескольких перспективных водок. Среди них водка «Портал», разработанная на основе произведений отечественных фантастов, и водка «Дар Орла», в концепции которой он отдает дань уважения и памяти своей малой родине.

Кастанедовские аллюзии во втором случае вряд ли осознавались самим автором, так что попытки современных оккультистов заявить на память Скотенкова свои права просто смешны. Однако интересно отметить, что американские эксперты тоже поняли название «Дар Орла» именно в этом ключе. Но не будем забегать вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.